

XII
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
художественно-литературный
общественно-экономический и
научно-популярный

П 35

127

П 35
127

1922
авг

КРАСНЫЙ
журнал
для
всех

3/253.

№ 1

ПЕТРОГРАД

НОЯБРЬ 1922

Красная частушка о красной революции.

Красный плуг пролетарской революции по всей России поднял вековую, девственную целину, кремлевские сеи оплодотворили ее и вот, в наши дни, после первого пятилетия, Ильич-пахарь может уже любоваться пышными всходами своей всероссийской „полоски“.

Родилась новая деревня, новый город. Те, кому в момент октябряского переворота было 12, 15 лет, стали семнадцатилетними, двадцатилетними и, крещенные в революционной купели, прошедшие сквозь школу блокады, классового расслоения и гражданской войны, смотрят на жизнь—новыми, „красными“, революционно-сознательными, очами.

Стар—гниет: издает удушливые запахи человеконенавистничества, черносотенства, антисемитизма, но на смену ей идет—ярь—всходы кремлевского сева,—и, мало по малу, оттесняет ее и становится хозяином новой жизни.

В нашем распоряжении огромное собрание новых частушек—свыше восьмисот песенок, выбранных из четырех тысяч. Расбросанные по отделам, они отражают новую жизнь необычайно ярко, выпукло, полно и всесторонне. Буржуазная литература либо молчит, замалчивая; либо клевещет, уродуя; либо отражает современность—нарочито: с предвзятым умыслом,—в кривом зеркале органической невозможности принятия революции пролетарской для чистокровно-мягкотелого интеллигента. Пролетарская литература, слишком еще юная,—не в силах взяться за такой великий труд. И вот, на помощь революции приходит—частушка: миллиарды четыресташишь, созданных миллионами.

Милиарды четыресташишь—все равно, что миллиарды капель: был бы резервуар (водовместилище) и получается прекрасное, зеркально-чистое и гладкое, необъятноезеро.

Наклонись к нему и ты увидишь величайшую из земных революций во весь ее гигантский рост.

I. Новая деревенская девушка.

В новой красной деревне родилась новая красная девушка:

„Когда Коленъку забрали,
Я взяла с него обет:
До последней капли крови
Защищать в бою Совет!“

Враги Советской власти скажут: „Не народная частушка, сами коммунисты сочинили! Крестьянская, простая, полуграмотная девка и вдруг—не хотите-ли? горой за советы!“

Да, простая, крестьянская, полуграмотная девушка, и—герой за советы! И это у ней—невнешнее, наносное, митингами навеянное,—и утреннее, глубокое: прошла через школу революционного пятилетия, на опыте, собственной шкуре своей, испытала, кто враг, кто друг:

Кулаки делили землю,
Всю, что есть, по едокам:
На свою семью получше,
А худую беднякам.

И потому—искрення ее радость:

Нас не горбят баре боле,
Не колотят становой,
Мы в республике, на воле,
Мы—в коммуне трудовой!

И потому ничего фальшивого нет, когда она поет, весной, в хороводе, или зимою, на супрядках:

Наш Ермил мужик богатый,
А не хочет несть налог,—
Пусть Совет его заставит,
Чтоб противиться не мог!

Она—горой за Советскую власть, горой за новое!

И—не на словах только:

Пойдем, миленький, в субботу
Дров на станцию пилить—
Чтобы наши паровозы
Побыстрей могли ходить!

Или, еще резче:

Вчера я с тятенькой ругалась—
Нельзя так поступать:
В Поволжье люди умирают,
А он хотел винице гнать!

И если миленький у нее—нищ духом:
поддается шепотам, сплетням, клевете, на-
говорам гниющей стари, она—поддерживает,
бодрит, оперяет его бескрылую душу:

Не жалей, мой дорогой,
Что мы теперь голодные:
Зато были мы рабы,
А теперь—свободные!

Вспомни, миленький, то время,
Что бывало при царе:
Сколько народа перебили
В Петрограде в январе!

А не слушает ее мягкотелый — другие,
железные, слова:

Не ругай, милой, коммуну,
Не брани ты Ильича,
А не то я в морду плону
И хвачу тебя с плеча!

С таким „миленьким“ она говорит—
аккурат, как нянька с ребенком:

Коли хочь меня любить—
Не такому надо быть:
Коммунисту рьяному,
Не напиваться пьяному!

Особенно это ярко выявляется в ее от-
ношении к религии и попам:

Не ходи, милой, к иону,
Не проси совета—
Нам все ясно разъяснит
Рабочая газета.

И, еще:

Нам в попах нужды не стало—
И без них теперь права:
Без подарочеков запишут
В Исполкому у стола!

Эта девушка жадно следит за событиями
текущей жизни, а коли что темно: непо-
нятно, знает куда пойти, у кого распрос-
тить:

Сапоги надену я, пойду спрошу учи-
теля,
Это что за Генуя, где наши мучи-
тели?

И если она поет подружкам на посидках:
„Мой миленок чернобровый настоящий
коммунист,
Обозвал меня буржуйкой, затряслась
я, словно лист“.

Так фальши тут и нотки нет: для нее
слыть буржуйкой, действительно оскорбле-
ние... Ведь никто иной, а она, пишет ми-
леньевому своему, красноармейцу, в длинном
своем деревенском письме:

„Передай привет от нас Ленину и
Троцкому,
Не подвластны мы сейчас старшине и
сотскому!“

Она — настоящая коммунарка, хоть и не
имеет партийного билета; и, как настоящая
коммунарка, не закрывает глаза на урод-
ливые стороны нашей, еще не устоявшейся
окончательно после революционного взрыва,
действительности. Поглядите, как задорно
блещут ее влажные, белые зубы, когда вы-
смеивает она то, что достойно самого беспо-
щадного осмеяния:

Посмотрю я за овины—
Комиссар быка ведет;
Он за то его ведет,
Что без документа идет!

Или, еще,—свое, местное, сельское, воло-
стное:

Председатель Исполкома
Ничего не делает:
Ростит брюхо да загривок,
Да за бабам бегает...

Следующая, очередная, статья будет по-
священа новому красному деревенскому
„парубку“, молодому красноармейцу.

B. V. Князев.